

© 2024. И. Б. Павлова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Отражение мировоззренческих и художественных исканий Л. Н. Толстого в рассказе «Записки маркера»

Аннотация: Статья посвящена своеобразию раннего рассказа Л. Н. Толстого «Записки маркера», рассматривается история его написания с привлечением подготовительных материалов. Автор ставит своей целью проанализировать широкий круг затронутых в рассказе психологических, социально-этических, мировоззренческих вопросов, глубоко волновавших писателя в 1850-е гг., показать их взаимосвязь. Доказывается, что выбор художником жанра «записок», повествования от первого лица позволили ему разнообразить сюжет, приемы психологического анализа, изображения внутреннего мира персонажей. В статье уделено значительное внимание такой особенности «Записок маркера», как присутствие двух героев-рассказчиков, противоположных друг другу по возрасту, социальному положению, уровню развития, носителей разных речевых стилей. Этот прием позволяет драматично изобразить одиночество Нехлюдова и существующий разрыв между мировосприятием дворянства и взглядами народа. Экспрессивное слово повествователя, завершающее произведение, выводит его на уровень экзистенциальный. Изображение героя-маркера, его восприятия свидетельствует о связях «Записок маркера» с традициями «натуральной школы». В этом рассказе, наряду с другими произведениями пятидесятых годов, истоки религиозно-философских взглядов писателя-мыслителя.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, форма Ich-Erzählung, жанр записок, построение повествования, двойственность, внутренний мир, психологизм, дворянство, народ.

Информация об авторе: Павлова Ирина Борисовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069, г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-0156>

E-mail: antologial@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 27.12.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 19.01.2024

Дата публикации статьи: 25.03.2024

Для цитирования: Павлова И. Б. Художественные особенности раннего рассказа Л. Н. Толстого «Записки маркера» // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 1. С. 102–123. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-102-123>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 102–123. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 1, 2024, pp. 102–123. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Irina B. Pavlova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Reflection of L. N. Tolstoy's Ideological and Artistic Quests in the Story "A Billiard-Marker's Notes"

Abstract: The article is devoted to the originality of L. N. Tolstoy's early story "A Billiard-Marker's Notes" and the history of its writing with the use of preparatory materials. The author aims to analyze and show the interrelation of a wide range of psychological, socio-ethical, and ideological issues raised in the story, which deeply worried the writer in the 1850s. The article proves that the artist's choice of the genre of "notes" and first-person narratives allowed him to diversify the plot, methods of psychological analysis, and images of the characters' inner world. The article pays considerable attention to such a feature of "A Billiard-Marker's Notes" in terms of narratology as the presence of two characters-narrators, opposite to each other in age, social status, level of development, and bearers of different speech styles. This technique allows the writer to depict dramatically Nekhlyudov's loneliness, "lostness," and the existing blatant gap between the worldview of the nobility and the people and their ethics. The narrator's expressive word, completing the work, brings it to the existential level. The image of the character-marker and his perception of reality testifies to the connections of "A Billiard-Marker's Notes" with the traditions of the "natural school," its humanistic principles, and democracy. This story, along with other works of the 1850s, contains the origins of the religious and philosophical views of the writer-thinker.

Keywords: L.N. Tolstoy, Ich-Erzählung form, notes as a genre, narrative construction, duality, inner world, psychologism, nobility, people.

Information about the author: Irina B. Pavlova, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0006-0156>

E-mail: antologia1@yandex.ru

Received: December 27, 2023

Approved after reviewing: January 19, 2024

Published: March 25, 2024

For citation: Pavlova, I. B. "The Reflection of L. N. Tolstoy's Ideological and Artistic Quests in the Story 'A Billiard-Marker's Notes.'" *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 1, 2024, pp. 102–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-1-102-123>

Пятидесятые годы в творчестве Л. Н. Толстого — время становления. В произведениях этого периода отразились поиски жанровых форм, организации нарративного текста, психологические, нравственные и мировоззренческие вопросы, волновавшие молодого писателя. Е. Ю. Фатюшина, автор диссертации, посвященной повести Толстого «Альберт» (1858), трактовала повесть как художественный эксперимент [Фатюшина]. В определенном плане «Записки маркера» тоже имеют экспериментальный характер, дают яркое представление, в каких направлениях протекала работа творческого сознания Толстого. Намечившиеся нравоучительная, философски-антропологическая, народная линии, попытки решения проблемы формы, функции образа повествователя, героя-рассказчика нашли развитие в зрелом творчестве писателя. Естественно, в поле зрения исследователей «Записки маркера» чаще всего попадали при анализе литературной деятельности молодого Толстого. В контексте творческого развития писателя в 1850-е гг. рассказ был рассмотрен Б. М. Эйхенбаумом. О его нравственной проблематике, о связях с незавершенной «Святочной ночью» писала Е. Н. Купреянова. Литературоведов конца XX – начала XXI вв. привлекали принципы изображения героев, особенности повествовательной манеры произведения, его оценка Н. А. Некрасовым, редактором «Современника», в котором «Записки маркера» впервые увидели свет [Бурнашева 1984; Бурнашева 2014; Куценко].

В письме Некрасову от 17 сентября 1853 г. Толстой сообщал о новой «статье», которая ему дороже, чем «Детство» и «Набег» — так он отозвался о только что написанном рассказе¹. Автор предложил свое произведение для публикации в «Современнике» и настоятельно повторил неперемutable условие — оставить рассказ в том виде, в каком он есть. Толстой напомнил Некрасову обещание сообразоваться в этом отно-

¹ О взаимном плодотворном влиянии поэта и опытного редактора Н.А. Некрасова и молодого Л.Н. Толстого см.: [Андреева].

шении с его желаниями. В случае цензурного вмешательства писатель просил возвратить ему произведение или, по крайней мере, предупредить его. Он хотел напечатать эту вещь под заглавием, данным в начале тетради (которое выглядит следующим образом: слово «Рассказ» зачеркнуто и над ним написано «Записки», далее следует «маркёра»), и упомянул другой вариант: «Самоубийца. Рассказ маркера», всецело полагаясь на решение редактора журнала. Такова была первая реакция Толстого на произведение, написанное им за четыре дня, с 13 по 16 сентября. Как свидетельствует дневник от 13 сентября 1853 г., художник работал на подъеме: «Утром б[ыла] тоска страшная, после обеда ходил <...>. Потом пришла мысль З[аписок] М[аркера], удивительно хорошо. Писал, ходил смотреть Собр[ание] и опять писал З[аписки] М[аркера]. Мне кажется, что теперь только я пишу по вдохновению, от этого хорошо».

14 Сентября. Окончил начерно и вечером написал лист набело. Пишу с таким увлечением, что мне тяжело даже: сердце замирает. С трепетом берусь за тетрадь» [Толстой 1928–1958. 46: 174–175].

«15 Сентября. Утро писал, не обедал, гулял <...> до 8 часов ничего не делал. С 8 писал до 11. Хорошо, но слишком неправилен слог. Больше половины написано».

16 Сентября. Молодец я, работал славно. Кончил» [Толстой 1928–1958. 46: 175].

Рассказ не нашел поддержки Некрасова, разочаровал его. Из-за недоразумений с доставкой корреспонденции ему пришлось вторично отвечать Толстому, и в письме от 6 февраля 1854 г. он откровенно высказал автору свое суждение: «“Зап<иски> марк<ера>”» очень хороши по мысли и очень слабы по выполнению; этому виной избранная Вами форма; язык Вашего маркера не имеет ничего характерного — это есть рутинный язык, тысячу раз употреблявшийся в наших повестях, когда автор выводит лицо из простого звания; избрав эту форму, Вы без всякой нужды только стеснили себя: рассказ вышел груб и лучшие вещи в нем пропали. Извините, я тороплюсь и не выбирал выражений, но вот сущность моего мнения об этом рассказе; это я счел своим долгом сообщить Вам, прежде чем печатать рассказ, так как я считаю себя обязанным Вам откровенностью за то лестное доверие, которым Вы меня удостоили. Притом Ваши первые произведения слишком много обещали, чтобы после того напечатать вещь сколько-нибудь сомнительную».

Однако ж я долгом считаю прибавить, что если Вы все-таки желаете, я напечатаю эту вещь немедленно, мы печатаем много вещей и слабее этой, и если я ждал с этою, то потому только, что ждал Вашего ответа. Жду его и теперь и надеюсь получить скоро вместе с “Отрочеством”, которое может быть напечатано очень скоро, если Вы не замедлите его присылкою. Уведомьте меня, куда Вам посылать “Современник” и деньги» [Некрасов 14. 1: 186]. Итак, первый читатель и критик произведения предъявил претензии к его форме и языку героя-рассказчика.

Вскоре самого Толстого начали посещать сомнения. 25 октября 1854 г. он записал в дневнике: «Я начинаю жалеть, что слишком поспешно послал “Записки маркера”. По содержанию едва ли я много бы нашел изменить или прибавить в них. Но форма не совсем тщательно отделана» [Толстой 1928–1958. 46: 188].

После публикации рассказа в «Современнике» (1855) он получил как сдержанные, прохладные, так и сочувственные отзывы критики. «Записки маркера» заслужили похвалу Чернышевского, который воздал должное гуманистическому звучанию и высокой моральной чуткости, отличавшим уже ранние произведения писателя: «Относительно “Детства” и “Отрочества” очевидно каждому, что без непорочности нравственного чувства невозможно было бы не только исполнить эти повести, но и задумать их. Укажем другой пример — в “Записках маркера”: историю падения души, созданной с благородным направлением, мог так поразительно и верно задумать и исполнить только талант, сохранивший первобытную чистоту» [Чернышевский 3: 428]¹.

Впрочем, Некрасов в дальнейшем изменил свое мнение (у редактора и издателя могли быть для этого различные мотивировки, обусловленные эдичионной политикой). 17 января 1855 г. он писал Толстому: «В 1 № “Современника” на 1855 год поместил я Ваш рассказ “Записки маркера”, в котором, кажется, я ошибался, в 1-м чтении он мне не понравился, о чем я и Вам писал, но, прочитав его недавно, спустя почти год, я нашел, что он очень хорош и в том виде, как написан, по крайней мере, был хорош в рукописи, потому что в печати и его-таки оборвали — Впрочем, существенного ничего не тронуту. Надо еще заметить, что наш цензор — самый лучший» [Некрасов 14. 1: 199].

¹ Относительно истории создания, публикации рассказа и откликов критики [Толстой 2002: 324–342].

Следующая публикация «Записок маркера» состоялась уже через полтора года в сборнике «Для легкого чтения» (1856), инициатором и редактором-составителем которого был Некрасов. Насколько соответствует рассказ о нравственной и социальной деградации и самоубийстве сборнику под таким названием — вопрос к издателю. В этой публикации восстановлены цензурные купюры и допущенные искажения. Исследовательница А. В. Олещук полагает, что «идея издания Н. А. Некрасовым девятитомного сборника “Для легкого чтения” (1856–1859) была вызвана стремлением расширить читательскую аудиторию “Современника”, укрепить статус беллетристики и поэзии, закрепить в сознании читателей лучшие произведения современных авторов. Выдвижение корпуса таких произведений было направлено на их легитимацию, что наделяло ДЛЧ (“Для легкого чтения” — *И. П.*), как издание, сопутствовавшее “Современнику”, институциональным статусом, возможностью влиять на литературный канон. Возможность такого издания стала результатом установившейся влиятельной позиции “Современника”» [Олещук: 192].

Что касается выбора произведений, то он объяснялся, по мнению А. В. Олещук, следующими причинами: «Во-первых, цензурными: процедура получения цензурного одобрения на издание не напечатанных ранее текстов — процесс более длительный и сложный, чем получение согласия цензора на перепечатывание некогда уже изданных произведений. Во-вторых, идеологическими: стратегия Некрасова и цель самого альманаха подразумевала издание уже известных читателям текстов лучших современных беллетристов, выделив их тем самым среди всей современной отечественной литературы и подчеркнув их особое значение. И в-третьих, коммерческими: читательский спрос, который издатель ДЛЧ стремились удовлетворить, сделав перечитывание уже известных текстов не только полезным, но и приятным» [Олещук: 192–193].

Утверждение, что перечитывать уже публиковавшиеся известные произведения «не только приятно, но и полезно», звучит довольно курьезно, хотя нельзя отрицать коммерческих целей Некрасова и книгопродавца А. И. Давыдова.

«Запискам маркера» предшествовала работа над оставшейся незавершенной «Святочной ночью», повестью «Утро помещика» (небольшой частью задуманного «Романа русского помещика»), «Отрочеством». Е. Н. Купреянова отмечала, что «Святочная ночь» не-

посредственно примыкает к «Четырем эпохам развития» и представляет собой как бы фрагмент их завершающей и неосуществленной части — «Молодости». «Оставив “Святочную ночь” незаконченной, Толстой во второй половине того же 1853 г. на протяжении нескольких дней создает рассказ “Записки маркера”. В сущности, это новая вариация темы “Святочной ночи”, темы нравственного падения молодого человека в условиях праздного и развращенного светского существования. Но она развита в “Записках маркера” значительно шире. Самоубийство князя Нехлюдова, на которое его толкает сознание всей безысходности своего морального падения, является ее логическим завершением» [Купреянова: 82].

В небольшом по объему рассказе основное внимание уделено темам социально-этическим, психологическим, как то: совращение неопытного молодого человека (путь героя через бильярдную, бордель — на тот свет) и цинизм, пустота жизни светского общества (в образах бесстыдного искуителя «князя», других завсегдатаев бильярдной, людей, составляющих круг тетушки героя Ртищевой, крестного князя Вортынцева воплощается суетность, бездуховность среды, окружающей Нехлюдова), разлагающее влияние азартной игры (связанное с темой греха, страстей, судьбы), несостоятельность дворянского сословия. В подготовительных материалах пристальное внимание автора было сосредоточено на вопросе о самоубийстве в плане философском, смерти и воскресении, добре и зле, жизни вечной, непостижимости человеческой природы. Чтобы реализовать свой замысел, автор стремился найти адекватную художественную форму, использовать наиболее соответствующие его цели композиционные приемы.

Обращает на себя внимание название толстовского произведения — «Записки маркера». С точки зрения житейского правдоподобия представляется странным, чтобы человек малообразованный, принадлежащий к простому сословию, вел записки и посвящал их наблюдению над одним из посетителей бильярдной, на что указывали уже первые критики рассказа, однако они отнеслись к этому факту более-менее снисходительно.

В то же время следует отметить, что уже в начале работы у писателя возникли два варианта заглавия (о чем свидетельствуют рукопись и письмо Некрасову от 17 сентября 1853 г.), и он отдал предпочтение «может быть даже случайному», «неправдоподобному»,

«которое можно было бы заменить другим, например “Рассказ маркера”, “Из воспоминаний маркера”» [Толстой 2002: 334, 335], оставив, однако, возможность избрать более понятное, мотивированное. При склонности Толстого к самонаблюдению, при рано пробудившемся интересе к внутреннему миру человека, движению чувств, жанр «записок» мог заинтересовать его своими идейно-художественными особенностями. «Записки» открывали писателю новые возможности исследовать психологию героя/героев, разнообразить сюжет, усилить драматизм. К этому жанру художник обращался как в пятидесятые годы: «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» (1857), так и в дальнейшем: «Записки сумасшедшего» (1884–1886), погружаясь в проблематику психологическую, этическую, а в «Записках христианина» (1881–1883) описывая свои мировоззренческие, духовные искания.

Повествование развивается в форме *Ich-Erzählung* — случай не первый в раннем творчестве Толстого: достаточно вспомнить автобиографическую трилогию, рассказы «Набег» (1852), «Рубка леса» (1852–1854), а также «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (1853–1856), написанные во второй половине 1850-х гг. «Метель» (1855), «Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн» (1857), повесть «Семейное счастье» (1859). В дословном переводе с немецкого «*Ich-Erzählung*» означает «Я-рассказ» — форма организации нарративного текста, влияющая на его содержательную структуру: «Я-рассказчик» — участник событий, которые осмысляются в духе характера и лица, от имени которого ведется повествование, сквозь призму его сознания.

Особенностью толстовского произведения в плане нарратологии является то, что в нем звучат голоса двух героев-рассказчиков: один, маркер Петр, — передающий свои впечатления, слова и поступки князя Нехлюдова, описывающий происшествие, другой — молодой аристократ, подводящий итог собственной жизни. Заключительная эмфатическая фраза — это переключение «регистра» с *Ich-Erzählung* маркера, затем Нехлюдова, на слово повествователя, максимально приближенного к автору, в ней целая гамма чувств: он декларирует, недоумевает, поражается, обобщает: «Непостижимое создание человек!» [Толстой 2002: 46]. Таким образом, от житейской драмы, связанной с вопросами морали, социально-психологическими, обозначен переход к проблеме человеческого существования. В этом восклицании проявилась особенность творческого сознания молодого Толстого,

на которую в свое время указал Эйхенбаум: «Собственный его тон имеет всегда тенденцию развиваться вне описываемых сцен, парить над ними в виде генерализаций, поучений, почти проповедей. Проповеди эти часто принимают характерную декламационную форму, с типичными риторическими приемами» [Эйхенбаум: 123]. В художественной прозе моралистический пафос, использование риторического приема, характерные для дневников и журналов нравственного самосовершенствования, становятся одним из проявлений авторского начала. Обращаясь к вопросу о том, как оно предстает в произведении, следует отметить, что наиболее распространенное терминологическое значение слова «автор» — это носитель эстетической концепции, некоего взгляда на действительность, выражением которого является все произведение в целом. Если согласиться с таким определением, писал Б. О. Корман, то нужно принять как обязательное следствие и мысль о том, что автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредствован субъектными или внесубъектными формами. Представление об авторе складывается из представления об этих формах, их выборе и сочетании. Исследователь обращал внимание на те случаи, когда происходит смешение автора, как носителя художественной концепции, выражением которой является все эпическое произведение, с одной из форм авторского сознания — повествователем, рассказчиком, рассказчиком-героем, хроникером и т. п. Он подчеркивал, что «авторская позиция всегда богаче позиции повествователя: она выражается в своей полноте не отдельным субъектом речи, как бы близок он не был к автору, а всей субъектной и внесубъектной организацией произведения» [Корман: 62]. В «Записках маркера» присутствие автора, его моральные установки, интеллектуальные и творческие поиски, усвоенные им жизненные уроки, стремление постичь назначение и долг человека, отношение к вечности отражаются в построении повествования, в выборе героев-рассказчиков, в пространственно-временной организации текста, в экспрессивном слове повествователя, которое завершает произведение, выводит его на уровень этический, духовный.

В своем рассказе Толстой стремился к тому, чтобы слово героя-маркера приобрело достоинство непредвзятого свидетельства, его присутствие должно служить впечатлению достоверности изображаемого. Скромность положения маркера, его «рутинная речь» несколько не умаляют значения и самостоятельности этого художественного обра-

за. Безыскусный свидетель происходящих событий необходим для реализации авторской позиции.

Присутствие двух героев-рассказчиков предполагает существование разных стилей: записки служащего в бильярдной и предсмертное письмо аристократа князя Нехлюдова характеризуются особой лексикой, синтаксисом, не имеющими между собой ничего общего. Представления маркера ограничены, его внутренний мир беден, что обусловлено социальным происхождением, родом занятий персонажа. Некрасов назвал язык героя «рутинным»: скорее, он близок к демократическому разговорному, отличается непосредственностью. Такую разновидность повествования от первого лица обычно называют «сказом». Но именно будничность тона, простонародность выражений, неприязательность записок должны подчеркнуть драматизм происходящего с князем Нехлюдовым. Герой-маркер лишен понимания ситуации во всей ее полноте. При этом персонаж не безлик, персонализирован, является носителем бесхитростного народного восприятия жизни. Очевидно, что выбор ведущего записки простолюдина тенденциозен. Его оценки событий противопоставлены речам и поведению завсегдаев игорного заведения, свидетельствуют о наблюдательности «маленького человека», прислуживающего при игре на бильярде и ведущего счет очков, в них заключено косвенное осуждение безнравственного существования господ, которых он много повидал за время своей службы в этом заведении и хорошо узнал их неприглядную сущность. (Сюда же подключается простодушный рассказ слуги князя Нехлюдова о его беспутной жизни). Нарисованный Толстым образ связан с установками изображения «демократических героев» «натуральной школой». Как отмечал Ю. В. Манн, «...для натуральной школы социальное место человека — эстетически значимый фактор. Чем ниже человек на иерархической лестнице, тем менее уместным по отношению к нему были насмешка, сатирическое утрирование, включая применение мотивов анималистики. В угнетенном и гонимом, несмотря на внешнее давление, человеческая сущность должна просматриваться отчетливее — в этом один из источников подспудной полемики, которую писатели натуральной школы (до Достоевского) вели с гоголевской “Шинелью”» [Манн: 388].

Письмо Нехлюдова представляет собой исповедь, точнее антиисповедь, в которой звучит отчаяние. Содержание письма — свидетельство

духовного надлома, предшествующего физической гибели, трагической противоречивости мыслей и чувств «зablудившегося», по выражению Е. Н. Купреяновой, героя, внутренних терзаний.

З. Р. Багиева в статье «Эпистолярный жанр в русской литературе» указывает, что письмо «может входить в состав литературного произведения, не представляющего собой переписку персонажей. Подобные письма, органично вплетаясь в ткань художественного произведения, взаимодействуют с его содержанием, участвуют в формировании его сюжета, усиливают самоанализ героев, помогают им выразить свои глубоко интимные чувства. <...> Итак, эпистолярный жанр дает возможность писателю раскрыть внутренний мир персонажей, выявить ведущие черты их характера, установить доверительные отношения с читателем, при этом установка на доверительность является важнейшим признаком эпистолярного жанра» [Багиева: 26–28].

Сделанные автором наблюдения вполне подтверждаются примером «Записок маркера». Письмо Нехлюдова участвует в формировании сюжета, его содержание, стиль вызывают сочувственный отклик у читателя, делают очевидными несостоятельность персонажа, охватившее его чувство безысходности. А лексико-стилистическая контрастность «записок» маркера и эпистолярно-исповедального документа усиливает трагическое звучание рассказа о внутреннем одиночестве и гибели князя Нехлюдова, подчеркивает остроту конфликта. Другая цель, которая могла быть достигнута этим приемом, — указать на глубокий разрыв, существующий между народным взглядом на вещи и господским, их неслиянность. Герой-наблюдатель чужд всякого морализаторства. В конце рассказа в тоне маркера звучит растерянность и сожаление по отношению к сбившемуся с пути молодому человеку, жизнь которого оборвалась так рано.

Резонно возникает вопрос: мог ли маркер прочитать предсмертное письмо Нехлюдова? На каком языке писал самоубийца: по-русски или по-французски? В начале рассказа маркер обмолвился: «Тут по-французски что-то часто заговорили; уж я не понял» [Толстой 2002: 31]. Из какого источника читателю становится известным содержание письма: от маркера или от автора? «И отчего такой грех с ним случился, что душу свою загубил, то есть Бог его знает; только что бумагу эту оставил, да и то я никак не соображу» [Толстой 2002: 42]. В тексте эти важные сюжетные подробности переданы очень неопределенно.

Несомненное значение, связанное с темой фатализма и несостоятельности личности, имеет тот факт, что герой стал игроком, причем удача постоянно ускользала от него. Пагубные увлечения разорили самого Нехлюдова и вверенных ему крестьян, повлекли за собой пренебрежение социальным долгом. В черновиках рассказа встречается ряд замечаний, связывающих его с идейной проблематикой «Романа русского помещика». Так, в предсмертном письме Нехлюдова имеется следующее признание: «Мне нужны были деньги для удовлетворения своих пороков и тщеславия — я разорил тысячи семейств, вверенных мне богом, и сделал это без стыда, — я, который так хорошо понимал эти священные обязанности» [Толстой 2002: 44]. В черновиках рассказа эта мысль передана более конкретно: «Бог дал мне богатство, вверил мне существов[ание] 2000 людей. Что я сделал? я разорил их. Я передал их Селезневу (*1 неразобр.*). И это сделал я, который отроком так хорошо понимал священную обязанность помещика» [Толстой 1928–1958. 3: 279].

Особенность изображения князя Нехлюдова заключается в том, что вначале он показан способом «внешнего» описания, со стороны, в финале в предсмертном письме герой непосредственно признает свой жизненный крах и анализирует его причины.

В исповеди Нехлюдова предстает поток мыслей и чувств, в ней важное место занимает самоанализ, самоосуждение, чувство стыда. Некоторые ситуации описаны как бы дважды, сначала маркером Петром, потом Нехлюдовым: оскорбление героя «большим гостем», эпизод с посещением борделя, дерзость шулера Федотки, который втянул героя в азартные игры: «Бесчестный человек сказал мне, что у меня нет совести, что я хочу красть, — и я остался его другом, потому что он бесчестный человек и сказал мне, что он не хотел меня обидеть» [Толстой 2002: 44], история с гусаром и вином. Этот прием подчеркивает унижительный смысл происшедших событий для Нехлюдова.

Итак, для решения поставленных задач писатель сделал выбор в пользу определенной композиционной организации текста. Чтобы наиболее драматично показать историю гибели личности, перейти к вопросам экзистенциальным (а в черновых материалах намечается движение к онтологической проблематике), Толстой свел вместе двух героев-рассказчиков противоположных друг другу по возрасту, соци-

альному положению, уровню развития, менталитету, носителей разных стилей¹.

В дальнейшем Толстой не оставляет форму повествования Ich-Erzählung, о чем свидетельствуют уже упомянутые произведения 1850-х гг., а также «Записки сумасшедшего», «Крейцера соната», «После бала», «Посмертные записки старца Федора Кузмича». В этой форме больше субъективизма, но события, лица подаются через собственное восприятие героя, читатель видит их его глазами, истолковывает его умом, оценивает чувствами героя, острее ощущает специфичность внутренней жизни данного лица. Если представить, что происходившее с князем Нехлюдовым в бильярдной (где служил маркер) и последовавший финал изложены повествователем, то рассказ значительно утратил бы эффект художественного воздействия на читателя.

Действие произведения протекает в бильярдной, которая вкупе с кратко упоминаемым домом свиданий являются сюжетообразующими и смыслообразующими. Там разворачивается, вершится судьба героя. Пространство бильярдной становится лиминальным для Нехлюдова, местом неопределенности и дезориентации. Из-за своей нерешительности герой оттягивает роковой момент, что делает особенно жалкой его смерть. Он готовится совершить переход к инобытию, т. е. к атемпоральности и антипространственности, но в альтернативу не верит, даже профанирует ее. В своем письме герой сообщает, что застрелится через четверть часа, что по-своему парадоксально, поскольку Нехлюдов перед уходом из жизни точно рассчитывает мгновенья, сохраняет зависимость от них. При этом лиминальность характеризует не только внешнее пространство, но она присутствует и на глубинном уровне — в душе героя, который вот-вот перейдет черту.

Важный вопрос, который вызывает предсмертное письмо и произведение в целом: почему стала возможной победа смерти? В подготовительных материалах, в отличие от итогового текста, эта тема проработана Толстым очень подробно. Черновые рукописи письма-исповеди демонстрируют блуждание героя в антиномиях и софизмах и, в конеч-

¹ Произведение, в котором форма Ich-Erzählung предстает неорганичной, это «Холстомер»: повествователь всецело подчиняет себе анималистического героя-рассказчика. Холстомер, обличающий современную цивилизацию и сокрушающийся о людских пороках, становится курьезным alter-ego Толстого.

ном итоге, — отказ от воскресения. Оказывается, существовала совокупность факторов, которые привели к трагедии, хотя они не описаны, а только подразумеваются, вытекают из того образа жизни, который вел Нехлюдов. Большую роль должны были сыграть сущностные качества личности: способ восприятия окружающих людей, ситуаций, собственных проблем, немаловажное значение имел характер воспитания молодого человека, не сумевшего развить волевое начало и чувство долга, сформировать систему ценностей, отсутствие жизненного опыта. Свое влияние на Нехлюдова оказала среда, в которой он вращался. Мягкотельный герой быстро поддавался внешним влияниям. Его слабость подчеркивается тем, что параллельно с духовно-нравственной деградацией у князя Нехлюдова происходит угасание физическое, в черновиках автор вкладывает в его уста горькое признание: «И теперь у меня седые волосы и чахотка» [Толстой 1928–1958. 3: 281]. Герой не понимает себя, пребывает в состоянии неуверенности, смятения, до последней минуты теряется в сомнениях относительно своей судьбы и взаимоотношений с вечностью. Если охарактеризовать происшедшее с точки зрения философии суицидологии: «Это далеко не свобода человеческого отношения к смерти, это освобождение смерти для полного и окончательного господства над человеком. Совершая собственную смерть (переводя ее из возможности в действительность), человек выступает в качестве ее непосредственного агента, то есть являет себя как совершенно *пассивное* существо» [Аванесов: 382–383].

Исследователи отмечали присутствие автобиографических элементов в рассказе «Записки маркера». Так, в предсмертном письме героя нашли отражение глубоко тревожившие молодого автора нравственные, философские, психологические вопросы, которые вставали перед ним в 1850-е гг. В заключительных строках одной из черновых рукописей упомянуто, что герой пробовал снова вести франклиновский журнал пороков, главными из которых являются «Тщеславие, лень, тщеславие» [Толстой 1928–1958. 3: 283]. Общеизвестно, что Толстой с 1847 г. вел журнал или дневник, в котором составлял для себя руководства правил жизни и поведения, опираясь на «Журнал для слабостей» американского государственного деятеля Б. Франклина, стремящегося к духовному самосовершенствованию.

Нехлюдов знает, что погубило его: потеря чистоты, разврат, игра, все пошрое, ничтожное, запятнавшее достоинство человека и дворяни-

на, хотя в юности мысли о Боге, о вечности наполняли все его существо и возносили к Творцу. Он способен видеть добро и зло и различать их: «Где те светлые мысли о жизни, о вечности, о Боге, которые с такою ясностью и силой наполняли мою душу? [Толстой 2002: 44]. В этих словах можно увидеть переключку с записью в дневнике от 14 апреля 1854 г., свидетельствующей, какое место занимали в сознании двадцатишестилетнего Толстого мысли о Боге, Промысле и добре.

Драма героя в том, что его чувства и разум не согласуются с волей, между ними диссонанс. Эмоционально Нехлюдов мучается из-за своей греховной жизни, но его страдания остаются бесплодными и порождают только страх. Вступая на путь порока, он верил, что сможет исправиться, но потерпел поражение. Вследствие этого у героя рождается вопрос, зачем даны ему чувство и разум при бессилии воли. Однако возможности разума тоже оказываются ограниченными перед возникающими недоумениями. Когда речь заходит о вопросах жизни и смерти, когнитивная сфера героя предстает слабой.

Для Нехлюдова странно, почему он собирается предпринять суицид, не совершив какого-то тяжкого преступления, при этом герой отдает себе отчет в том, что опутан сетью греха и будет опускаться все ниже, ему нет спасения. Он находится в плену вопросов, ответить на которые не способен. Одно из главных мест в антиисповеди героя занимают размышления о душе и жизни вечной, волновавшие, по свидетельству дневника 1852 г. (сентябрь), и молодого автора: *«Доказательство бессмертия души есть ее существование. Все умирает, скажут мне. Нет: все изменяется, и это изменение мы называем смертью, но ничего не исчезает. Сущность всякого существа — материя, остается. Проведем параллель с душою. Сущность души есть самосознание. Душа может измениться со смертью, но самосознание, т. е. душа, не умрет»* [Толстой 1928–1958. 46: 146].

Как свидетельствуют подготовительные материалы к рассказу, герой приходит к выводу, что пал окончательно, и смерть для него неизбежна. Однако перед ним возникает препятствие, связанное с дуалистичностью человеческой природы. По мнению Нехлюдова, уходу из жизни препятствует тело, связанное с материальным, чувственным началом, оно «подло» испытывает страх перед смертью и мешает душе, жаждущей уничтожения, хотя стремление души все-таки возобладает. Настойчивое желание Нехлюдова полного разрушения основано

на представлении, что душа связана с будущей жизнью, понятия о которой героя неопределенны. Он боится, что за гробом его опять ждут мучительные воспоминания и бесплодное раскаяние. Поэтому лучшим исходом герой считает убийство вместе с телом и души и таким образом избавление от вечных страданий. Однако можно погубить душу, но реально ли ее уничтожить? Нехлюдова удивляет, что за пять минут до смерти при размышлениях о том, будет ли жизнь за гробом, его одновременно посещают соображения житейские, самые ничтожные, суетные, которые не имеют никакого отношения к его положению. Но это естественная реакция человеческой психики, которая сопротивляется страшному решению, вытесняет мысли о самоубийстве, переключает сознание на незначительные объекты. С другой стороны, такие мысли — свидетельство хаоса, царящего в душе Нехлюдова: он боится продолжения страданий за гробом и в то же время говорит, что не чувствует страха смерти. Боязнь смерти преобразуется у героя в страх ошибиться, найти в будущей жизни воспоминания и раскаяние. Чтобы обрести твердость в выполнении своего замысла, ему нужно подтверждение, что вместе с телом будет убита и душа.

В черновиках герой на основании самонаблюдений делает вывод, что человек непостижимое, неестественное создание для самого себя. И если человек понимает что-то выше себя, в сравнении с чем он непостижим и странен, то это является доказательством бессмертия. Однако в данной ситуации такой ход мыслей обусловлен блужданием в попытках объяснить и оправдать свою несостоятельность, слабодушие. В окончательном тексте слова «Непостижимое создание человек!» переданы автором повествователю, в них вложен экзистенциальный и религиозно-философский смысл.

Мысли о смерти, о воздаянии за грехи, возможностях человека уже в период молодости приобрели важное место в духовной жизни Толстого. То же самое можно сказать и о теме самоубийства, связанной с психологическими и моральными вопросами. В ряде его произведений герои идут на этот шаг от безысходности, находясь в духовном, жизненном тупике (рассказ «Поликушка», роман «Анна Каренина», рассказ «Дьявол», драма «Живой труп»). Не подлежит сомнению сочувствие им автора. Был период, когда самого Толстого, который не достиг еще пятидесяти лет, посещали мысли о суициде (о чем он писал в «Исповеди»). Однако результатом долгого жизненного опыта Толсто-

го явилось убеждение, что самоубийство не приемлемо. Человек имеет на него право, но это неразумно и аморально. Отношение зрелого Толстого-моралиста к самоубийству было вполне определенным: «Вопрос, стало быть, не о праве человека убивать себя, а только о том, разумно и нравственно ли (разумное и нравственное всегда совпадают) делать это? И ответ всегда был и есть один: что это и неразумно и безнравственно» [Толстой 1928–1958. 38: 387].

Спустя два десятилетия после появления рассказа «Записки маркера» Достоевский поместил в октябрьском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г. очерк «Два самоубийства», в котором публицистически и художественно пытался осмыслить поразившую его трагедию в семье А. И. Герцена, опираясь при этом на переданное ему содержание предсмертной записки Лизы. Писатель приходит к выводу, что семнадцатилетняя дочь Герцена умерла «от тоски (слишком ранней тоски) и бесцельности жизни — лишь вследствие своего извращенного теорией воспитания в родительском доме, воспитания с ошибочным понятием о высшем смысле и целях жизни, с намеренным истреблением в душе ее всякой веры в ее бессмертие» [Достоевский 24: 54]. Это была смерть «от холодного мрака и скуки», с страданием, так сказать, животным и безотчетным, просто стало душно жить, вроде того, как бы воздуху не достало. Душа не вынесла прямолинейности безотчетно и безотчетно потребовала чего-нибудь более сложного» [Достоевский 23: 146]. «Озлобленный выверт» — упоминание в предсмертной записке о распитии шампанского на банкете по случаю неудачного самоубийства, свидетельство «страдальческого, мучительного настроения ее духа». Лиза потому и выбрала шампанское, объясняет Достоевский-психолог, что грязнее и мерзче картины питья его при своем «воскресении из мертвых» не нашла.

В изображенной Достоевским ситуации и в толстовском рассказе мотивировки молодых самоубийц, совершающих роковой шаг, различны, но фактически в том и в другом случае происходит отказ от жизни вечной людей, склонных к саморазрушению, психологически неустойчивых, лишенных твердой духовной основы¹.

¹ Представляется, что в обоих случаях порабощение героев страстями (потеря чистоты, погружение в разврат Нехлюдова и безоглядное влечение Лизы к сорокачетырехлетнему женатому человеку) становится одним из факторов их тяги к Танатосу.

С годами погруженность Толстого в вопросы, касающиеся сознания личности, отношений с Творцом, времени и вечности многократно возрастает, теснее становится взаимодействие с известными философскими учениями, но его размышления не оформляются в четкую мировоззренческую систему. Согласно представлениям писателя, в человеке сосуществуют противоположные начала — духовное и плотское, борьба между которыми постоянна и составляет сущность жизни, то же самое касается и сознания, которое дуалистично. Как отмечала М. Л. Ключова, писатель считал, что человек двойственное, онтологически незавершенное существо, одновременно заключающее в себе свойства субъекта и объекта: «В результате рождающееся на грани низшей животной стихийности и высшей духовной целесообразности бытия сознание человека само неизбежно оказывается предельно дуалистичным, расколотым на два уровня — низшее (телесное) и высшее (духовное) сознание» [Ключова: 67]. В дневнике 1903 г. Толстой записал: «Сознаний два: одно — низшее сознание: сознание своей отделенности от Всего; и высшее сознание — сознание своей сопричастности ко Всему, сознание своей вневременности, внепространственности, своей духовности, сознание всемирности. Первое сознание — своей отделенности — я называю низшим потому, что оно создается высшим духовным сознанием (я могу понять, сознать себя отделенным). Второе же сознание — духовное — я не могу сознать. Я сознаю только, что я сознаю, и сознаю, что я сознаю, что сознаю, и так до бесконечности. Первое сознание (низшее) дает, вследствие своей отделенности, понятие телесности, материи (и движения и потому пространства и времени); второе же сознание не знает ни телесности, ни движения, ни пространства, ни времени, ничем не ограничено и всегда равно само себе. Вся задача жизни состоит в перенесении своего я из отделенного в всемирное, духовное сознание. Это то перенесение своего я из отделенного в нераздельное, всемирное и есть то, что нам представляется жизнью. Опять не то. Дальше не могу» [Толстой 1928–1958. 54: 179–180]. Две заключительные фразы свидетельствуют о напряженнейших поисках мысли — безрезультатных в очередной раз.

Вопросы, которых коснулся Толстой в раннем рассказе, относящиеся к человеческому сознанию, взаимоотношениям со смертью, сопровождали писателя на протяжении всей жизни и становились все более мучительными. В дневнике от 6 января 1903 г. он сделал за-

пись: «Я теперь испытываю муки ада. Вспоминаю всю мерзость своей прежней жизни и воспоминания эти не оставляют меня и отравляют жизнь. Обыкновенно жалеют о том, что личность не удерживает воспоминания после смерти. Какое счастье, что этого нет! Какое бы было мучение, если бы я в этой жизни помнил все дурное, мучительное для совести, что я совершил в предшествующей жизни. А если помнить хорошее, то надо помнить и все дурное. Какое счастье, что воспоминание исчезает со смертью и остается одно сознание, — сознание, которое представляет как бы общий вывод из хорошего и дурного, как бы сложное уравнение, сведенное к самому простому его выражению: $x =$ равно положительной или отрицательной, большой или малой величине. Да, великое счастье уничтожение воспоминания, с ним нельзя бы жить радостно. Теперь же с уничтожением воспоминания мы вступаем в жизнь с чистой, белой страницей, на которой можно писать вновь хорошее и дурное» [Толстой 1928–1958. 54: 154]. Эти слова в полной мере показывают «бесконечное, ничем не устранимое отчаяние и одиночество» писателя, которому не суждено было вырваться из замкнутого круга противоречий и апорий.

В основном тексте «Записок маркера» и в подготовительных материалах к ним отразились творческие поиски автора в области формы, способа повествования, стиля. Достаточно прямо выражена моралистическая, назидательная тенденция, предвещающая стремление зрелого мастера к учительной роли. Перед читателем не просто реалистически изображенное житейское драматическое событие: в нем открывается философский смысл. Автору удалось передать состояние инфантильной психики, процессов, происходящих в обезбоженном сознании молодого современника-дворянина, продемонстрировать умение улавливать противоречивые мысли, чувства, их текучесть, проникнуть в сознание готовящегося совершить роковой шаг человека. Рассказ «Записки маркера» прочно связан с традицией «натуральной школы», с ее гуманистическими установками, демократизмом, вниманием к народной среде и ее этическому потенциалу, речевой стихии. Произведение Толстого свидетельствует, что писательская деятельность для него — важное средство самопознания.

Уже в ранних произведениях автора, в том числе и в рассмотренном рассказе, заявляет о себе своеобразии толстовского антропологизма. Здесь истоки религиозно-философских взглядов писателя-мыслите-

ля, духовные искания которого стали особенно драматичными после мировоззренческого кризиса середины 1870-х гг. и касались дуалистичности человеческого сознания, смерти и бессмертия, духовного и телесного, свободы воли, сущности времени, что нашло отражение как в художественных произведениях Толстого, так и в философских трактатах, дневниках, письмах.

Список литературы

Источники

- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.
Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 100 т. М.: Наука, 2002. Т. 2. 602 с.
Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: ГИХЛ, 1947. Т. 3. 884 с.

Исследования

Андреева В. Г. «Человек создан быть опорой другому, потому что ему самому нужна опора»: переписка Л. Н. Толстого и Н. А. Некрасова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2023. Т. 15. № 3. С. 74–83. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2023-3-74-83>

Аванесов С. С. Вольная смерть. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2020. Ч. 1: Основания философской суицидологии. 521 с.

Багиева З. Р. Эпистолярный жанр в русской литературе // Актуальные исследования. 2020. № 2 (5). С. 26–28.

Бурнашева Н. И. В поисках формы повествования: рассказ Л. Н. Толстого «Записки маркера» и роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Наука, образование и экспериментальное проектирование. М.: Московский архитектурный ин-т, 2014. С. 528–529.

Бурнашева Н. И. О своеобразии повествовательной манеры Толстого в «Записках маркера» // Яснополянский сборник: литературно-критические статьи и материалы о жизни и творчестве Л. Н. Толстого. Тула: Кн. изд-во, 1984. С. 105–110.

Клюзова М. Л. Антропологическое учение Л. Н. Толстого: теоретические основания и практический смысл // Этическая мысль. 2008. № 8. С. 65–86.

Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора // Избранные труды по теории и истории литературы. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1992. С. 59–67.

Куприянова Е. Н. Молодой Толстой. Тула: Кн. изд-во, 1956. 216 с.

Куценко Э. А. Человек и принципы его изображения в рассказе Толстого «Записки маркера». Анализ литературного произведения. Киров: Вятский гос. ун-т, 1995. С. 55–62.

Манн Ю. В. *Натуральная школа // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1989. Т. 6. С. 384–396.*

Олещук А. В. *Издательский проект Н. А. Некрасова «Для легкого чтения» (1856–1859) как легитимация «современной литературы» // Некрасов в XXI веке. Материалы международного научного конгресса. Ярославль: Академия 76, 2021. С. 192–193.*

Фатюшина Е. Ю. *Повесть «Альберт» как художественный эксперимент Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 249 с.*

Эйхенбаум Б. М. *Молодой Толстой. Петербург; Берлин: Изд-во Гржебина, 1922. 154 с.*

References

Andreeva, V. G. “Chelovek sozdan byt' oporoi drugomu, potomu chto emu samomu nuzhna opora’: perepiska L. N. Tolstogo i N. A. Nekrasova” [“Man Was Created to Be a Support to Another, Because He Himself Needs Support’: Correspondence Between Leo Tolstoy and Nikolay Nekrasov”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, vol. 15, no. 3, 2023, pp. 74–83. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2023-3-74-83> (In Russ.)

Avanesov, S. S. *Vol'naia smert'* [Free Death], part 1: Osnovaniia filosofskoi suitsidologii [Foundations of Philosophical Suicidology]. Veliky Novgorod, Novgorod State University Publ., 2020. 521 p. (In Russ.)

Bagieva, Z. R. “Epistolarnyi zhanr v russkoi literature” [“Epistolary Genre in Russian Literature”]. *Aktual'nye issledovaniia*, no 2 (5), 2020, pp. 26–28. (In Russ.)

Burnasheva, N. I. “V poiskakh formy povestvovaniia: rasskaz L. N. Tolstogo ‘Zapiski markera’ i roman M. Iu. Lermontova ‘Geroi nashego vremeni.’” [“In Search of the Storytelling Form: L. N. Tolstoy’s Story ‘A Billiard-Marker’s Notes’ and M. Yu. Lermontov’s Novel ‘A Hero of Our Time.’”] *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie [Science, Education and Experimental Design]*. Moscow, Moscow Architectural Institute Publ., 2014, pp. 528–529. (In Russ.)

Burnasheva, N. I. “O svoeobrazii povestvovatel'noi manery Tolstogo v ‘Zapiskakh markera.’” [“On the Originality of Tolstoy’s Narrative Style in ‘A Billiard-Marker’s Notes.’”] *Iasnopolianskii sbornik: literaturno-kriticheskie stat'i i materialy o zhizni i tvorchestve L. N. Tolstogo [Yasnaya Polyana Collection: Literary and Critical Articles and Materials on L. N. Tolstoy’s Life and Work]*. Tula, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984, pp. 105–110. (In Russ.)

Kliuzova, M. L. “Antropologicheskoe uchenie L. N. Tolstogo: teoreticheskie osnovaniia i prakticheskii smysl” [“Anthropological Doctrine of L. N. Tolstoy: Theoretical Foundations and Practical Meaning”]. *Eticheskaiia mysl'*, no. 8, 2008, pp. 65–86. (In Russ.)

Korman, B. O. “Itogi i perspektivy izucheniia problemy avtora” [“Results and Prospects for Studying the Author Problem”]. *Izbrannye trudy po teorii i istorii literatury [Selected Works on the Theory and History of Literature]*. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1992, pp. 59–67. (In Russ.)

Kupreianova, E. N. *Molodoi Tolstoi* [*Young Tolstoy*]. Tula, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1956. 216 p. (In Russ.)

Kutsenko, E. A. *Chelovek i printsipy ego izobrazheniia v rasskaze Tolstogo "Zapiski markera."* *Analiz literaturnogo proizvedeniia* [*Man and the Principles of His Depiction in Tolstoy's Story "A Billiard-Marker's Notes." Analysis of a Literary Work*]. Kirov, Vyatka State University Publ., 1995, pp. 55–62. (In Russ.)

Mann, Iu. V. "Natural'naia shkola" ["Natural School"]. *Istoriia vseмирnoi literatury: v 8 t.* [*History of World Literature: in 8 vols.*], vol. 6. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 384–396. (In Russ.)

Oleshchuk, A. V. "Izdatel'skii proekt N. A. Nekrasova 'Dlia legkogo chteniia' (1856–1859) kak legitimatsiia 'sovremennoi literatury'." ["N. A. Nekrasov's Publishing Project 'For Easy Reading' (1856–1859) as a Legitimation of 'Modern Literature'."] *Nekrasov v XXI veke. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa* [*Nekrasov in the 21st Century. Materials of the International Scientific Congress*]. Yaroslavl, Akademiia 76 Publ., 2021, pp. 192–193. (In Russ.)

Fatiushina, E. Iu. *Povest' "Al'bert" kak khudozhestvennyi eksperiment L. N. Tolstogo* [*The Story "Albert" as an Artistic Experiment by L. N. Tolstoy: PhD Dissertation*]. Moscow, 2005. 249 p. (In Russ.)

Eikhnenbaum, B. M. *Molodoi Tolstoi* [*Young Tolstoy*]. Peterburg, Berlin, Izdatel'stvo Grzhebina Publ., 1922. 154 p. (In Russ.)